

УДК 343.9.018.3

О. Х. Качмазов, Е. С. Цориева**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПНОСТИ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ)**

В статье рассматриваются детерминирующие факторы преступности вынужденных мигрантов, анализируется период наибольшего наплыва беженцев и вынужденных

переселенцев в Республику Северная Осетия-Алания (начало 90-х годов XX века).

Ключевые слова: вынужденная миграция, причины преступности.

О. Н. Kachmazov , E. S. Tsorieva**TO THE QUESTION ABOUT THE CAUSES OF CRIME OF FORCED MIGRANTS
(BY WAY OF EXAMBLE OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA)**

The article discusses the determining factors of crime of forced migrants. The author examines the period of greatest influx of refugees and displaced persons in the

Republic of North Ossetia-Alania in the early 1990-s.

Key words: forced migration, the causes of crime.

Миграция на Северном Кавказе, в частности в РСО-Алания, носила в период с 1991 по 1998 гг. в основном вынужденный характер и была вызвана разгулом национализма, военными действиями в Чечне, Южной Осетии, Абхазии, осетино-ингушским конфликтом и гражданской войной в Таджикистане. Только в 1991–1992 гг. около 100 тысяч вынужденных мигрантов прибыло в Республику Северная Осетия-Алания [5, с. 180; 7, с. 5]. Именно в этой республике наиболее явственно наблюдались проблемы, связанные с беженцами и вынужденными переселенцами. В начале 90-х гг. каждый пятый житель республики являлся вынужденным мигрантом, и на протяжении достаточно долгого времени по коэффициенту нагрузки вынужденной миграции Республика Северная Осетия-Алания занимала одно из ведущих мест на Северном Кавказе. Естественным результатом интенсификации миграционных процессов явился резкий прирост преступлений в 1992–2000 гг. (+15,5 % по сравнению с 1990 г.). Именно этот период взят за основу при исследовании вопроса о причинах и условиях, способствующих преступности вынужденных мигрантов.

Социально-экономический кризис 1990-х годов в России в целом и в ее регионах выразился в интенсивном развитии

криминогенных факторов: расслоении общества, росте социального неравенства, безработицы, резком снижении уровня жизни большинства населения [14]. Сами экономическая и социальная реальности создавали жизненную среду, которая толкала на преступный путь людей, лишенных работы и средств к существованию. Среди этих людей преобладала импульсивная, ситуативная преступность, растущая на социально-нравственном фоне, для которого были характерны чувства разочарования, обманутых надежд, усталости от постоянно возникающих новых проблем и быстро углубляющейся пропасти между доходами бедных и богатых [8, с. 70].

Мигранты, вызывая в принципе сочувственное отношение коренного населения, попадали в большинстве случаев в исключительно тяжелое материальное положение, а значит, в группу потенциального криминального риска. В сравнении с принимающим мигрантов населением уровень безработицы и социальной уязвимости основной массы беженцев и переселенцев был на порядок выше. Вследствие этого многие из них пополняли беднейшие категории российского населения, повышали уровень нищеты и увеличивали численность людей, нуждающихся в государственной социаль-

ной защите [11]. Выбитые из нормальной жизненной колеи беженцы и вынужденные переселенцы были готовы утвердить себя в стихии нецивилизованного рынка любыми способами, включая противоправные. Они не только подпитывали традиционную бытовую преступность, но и нередко включались в состав организованных криминальных сообществ, где выполняли, как правило, «черновую работу» (становились киллерами, вышибалами долгов, распространителями наркотиков и т.п.). Складывалась ситуация, когда речь шла о выживании, денег у государства не было, и мигранты вынуждены были добывать их сами [6, с. 5].

Следует согласиться с мнением, что чем менее обустроены и интегрированы в общество мигранты, тем больше вероятность того, что они могут обратиться к методам извлечения дохода, идущим вразрез с законом [10, с. 320]. Причем в дальнейшем у одних мигрантов использование таких методов может стать нормой жизни, и тогда они переместятся в группу профессиональных преступников, у других – может полностью прекратиться по мере стабилизации их экономического и социального положения, плотного включения в местную социокультурную среду.

Появление вообще категории вынужденных мигрантов во многих случаях обусловлено противоречиями в политической сфере, в области межнациональных отношений. Резкое обострение межнациональных отношений на территории бывшего СССР привело к широкомасштабным вынужденным перемещениям огромного количества людей. Криминогенные последствия такого переселения явились одной из болезненных проблем тех регионов, где в основном размещались беженцы. Межнациональные конфликты, таким образом, становились первопричиной тех самых общеуголовных (кражи, грабежи, разбой и т. д.) преступлений, которые совершались мигрантами, вынужденно покинувшими свои дома и не имеющими легальных источников существования на новом месте. В свою очередь массовое, стихийное прибытие беженцев

в регион в ряде случаев провоцировало межгрупповые, межэтнические конфликты, приводило к социальной напряженности и – как следствие – к всплеску преступности как среди мигрантов, так и среди местного населения.

Психологическая неподготовленность населения к кризисным ситуациям, возникающим в связи с прибытием огромного количества вынужденных мигрантов, становилась причиной негативного восприятия беженцев вообще, стереотипного совмещения образов беженца и преступника в одном лице. Ксенофобные реакции по отношению к «приезжим», даже если они той же этнической принадлежности, приводили вынужденных мигрантов к ощущению себя «чужаками» в любом месте жительства [12, с. 41]. Изобилие мигрантов явилось негативным раздражающим фактором для местных жителей, создающим психологическое напряжение, повышенную «готовность» к конфликту при малейшем поводе [2, с. 53].

В криминологии помимо общей классификации причин и условий преступности выделяют «причины и условия повышенного уровня преступности мигрантов». Так, М. М. Бабаев выделяет три группы факторов:

- 1) особенности демографической и социальной структуры контингента мигрантов;
- 2) особенности конкретной жизненной ситуации, побудившей к переезду определенную часть мигрантов;
- 3) условия адаптации в местах вселения [1, с. 30].

То есть прослеживаются как бы две линии детерминации преступности вынужденных мигрантов:

- до переезда (здесь учитываются факторы, влиявшие на формирование личности до переезда, а также обстоятельства, побудившие к переезду; во многом это определяется проблемной жизненной ситуацией, связанной со страхом за свою жизнь, жизнь своей семьи и т. д.);
- после переезда (когда на новом месте складываются такие условия, при которых мигрант вынужден совершить

преступление, либо ему объективно выгодно при сложившихся обстоятельствах переступить закон) [2, с. 50].

Анализ периода адаптации вынужденных мигрантов чрезвычайно важен для изучения причинного комплекса факторов, способствующих формированию преступных установок в сознании некоторых из них. В адаптационный период мигрант меняет не только образ жизни в бытовом плане (трудоустройство, приобретение жилья, устройство семьи и т.п.), но и вынужден изменить свои привычки, взгляды, нормы поведения. «Процесс адаптации, – пишет О. Шкаратан, – связан с необходимостью резкого изменения всех сторон жизни – материальной, социальной, духовной. Переезд... влечет изменение содержания выполняемого труда, системы ценностей, привычек, обычаев. Все это требует от мигрантов значительных психологических усилий» [17, с. 28–29]. Человек, переехавший в другую страну, а тем более «вынужденно перемещенный» в нее, сталкивается с серьезными психологическими проблемами адаптации к иной культуре (теория «культурного шока»). В исследованиях западных ученых еще в 1980-е годы было показано, что на психическое здоровье вынужденных мигрантов значительно большее воздействие оказывают не события, ставшие причиной переселения, а первые годы пребывания в новой стране, в процессе которых человек приспосабливается к новой для него социокультурной среде [18, с. 183–194; 19, с. 86–91]. В случае отсутствия способствующих благоприятной адаптации мигранта обстоятельств не только возможен, но и происходит в большинстве случаев взрыв агрессии, выливающейся нередко в преступное действие.

Основной проблемой в данном случае является процесс «врастания» в новые формальные и неформальные социальные группы, усвоение новых норм морали и стандартов поведения, иного образа жизни. Это не может не порождать значительных сложностей и конфликтов, особенно у лиц старших возрастов с уже сложившейся

системой взглядов и отношений, устоявшимися стереотипами поведения. Что касается молодежи, то, не обладая в силу возраста жизненным опытом, стойкими взглядами и убеждениями, молодые люди подчас не могут противостоять отрицательным влияниям на новом месте и находить выход из сложной жизненной ситуации. У детей-мигрантов по причине их «сильной эмоциональной возбудимости» операционные установки приходят в состояние неустойчивости, их повседневное поведение становится непосредственным и непредсказуемым, а зачастую даже агрессивным» [15, с. 14].

В новых для себя условиях человек перестает ощущать себя жестко зависимым от конкретного непосредственного окружения, он может не считаться с мнением отдельных групп. С переездом, как правило, наблюдается разрыв прежних социальных связей, утрата знакомств, что значительно ослабляет социальный контроль за поведением человека со стороны его ближайшего окружения и, вообще, деструктивно влияет на его общее психическое состояние [4, с. 13]. А это, в свою очередь, может создать условия для совершения мигрантом преступления. Поэтому так важны эмоциональная, информационная, материальная и другие виды социальной поддержки мигрантов. Не менее важными считаются связи с соотечественниками. Сохранение национального окружения, особенно в начальный период проживания мигрантов в новой культурной среде, выступает в качестве «буфера для психических расстройств». В то же время есть противоположное мнение, согласно которому проживание мигрантов в гомогенных национальных группах затрудняет их адаптацию и интегрированность с коренными жителями.

Беженцы из Грузии жили на стыке двух культур – грузинской и осетинской, – и после приезда в Республику Северная Осетия-Алания степень их культурной маргинальности была достаточно высока, она выражалась в слабом владении осетинским языком и гораздо большей их принадлежности к грузинскому этносу, чем к осетинскому. Даже

проживая на территории Северной Осетии, они сохраняли тот уклад жизни, который был на их родине. У большей части мигрантов имелись осознанные установки на сохранение у себя культурных заимствований того народа, в среде которого они выросли или проживали долгое время. Адаптация к жизни в новых условиях вызывает у людей либо полное неприятие чужеродного образа жизни, что выражается в повышенной агрессивности или подавленности, либо в тяжелой адаптации к новой жизни. «Человек, сформировавшийся в одних условиях, усвоивший соответствующие ценности, нормы и традиции, которые закреплялись фактически с момента его рождения, при вторжении в чуждую ему социально-культурную среду, со своими устоявшимися нормами и традициями, оказывается во власти чувства тревоги, обеспокоенности за свое будущее» [13, с. 44]. Безусловно, человеку, жившему спокойно и в достатке, тяжело бывает осознать себя потерявшим все сразу, а чувство утраты Родины является сильной психологической травмой.

Большинство вынужденных мигрантов из Грузии были выходцами из сельской местности, а расселение их на территории Северной Осетии в основном происходило в городе Владикавказ и его пригороде (Пригородный район РСО-А), что естественно отразилось на образе жизни многих переселенцев. Произошла смена некоторых видов деятельности: увеличилась доля тех, кто стал заниматься частным бизнесом, торговлей, просто домашним хозяйством, резко увеличилось количество безработных, существующих за счет разовых подработок. Предпочтение мигрантов к поселению в городе, по мнению работников миграционных служб, вообще является отрицательной стороной миграционного процесса, так как способствует увеличению уже имеющейся там социальной напряженности из-за свертывания промышленного производства, недостаточного обеспечения жильем и культурно-бытовым обслуживанием.

Процесс адаптации – длительный период, который занимает по времени несколько лет, по истечении которых обычно про-

исходит приспособление к новым условиям жизни. Процесс адаптации, как известно, включает в себя экономическую (приобретение жилья, устройство на работу и др.) и психологическую (заимствование обычаев, образа жизни местного населения) составляющие. Поэтому возможны случаи, когда вынужденные мигранты вроде бы уже обустроились, прижились на новом месте (т. е. экономическая адаптация уже произошла), а психологически они все еще чувствуют дискомфорт. Во многом это связано с тем, что многие беженцы ощущают на себе «пресс» неприязни со стороны местного населения, что ведет к нарушению процесса культурной, этнической идентичности, к развитию у мигрантов «невротической этнофобии, связанной со снижением фрустрационной толерантности, трудностями в общении, неадекватностью и иррациональностью поведения в этноконтактных ситуациях» [12, с. 42]. Это соответственно повышает у части из них конфликтность, и даже агрессивность, что при определенных условиях может обострить любое столкновение до масштабов преступления. Трудности психологической адаптации также зависят от того, что вынужденные мигранты проживают обособленно в санаториях, турбазах, пионерских лагерях, общежитиях, гостиницах и других пунктах временного размещения, где они чувствуют непостоянство и неопределенность своего положения. Душевное состояние людей, лишенных возможности прочно осесть на новой земле, которое в криминологии принято называть «психологией временного жителя», чревато желанием совершить преступление, а затем безнаказанно скрыться на территории того государства, региона, откуда прибыл мигрант.

Причины и глубина трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации, зависят от многих условий, и в первую очередь от «количества и качества различий в ведущих ценностях между культурами мест выхода и поселения, степени толерантности общества к иным системам ценностей в стране поселения, степени устойчивости –

гибкости индивидуальной системы ценностей и установок» [4, с. 11]. Как правило, для успешной адаптации мигрантов необходимо наличие как минимум двух условий:

- удовлетворение жизненно важных потребностей (личных и семейных);
- удовлетворение потребности в самореализации.

Ни то ни другое невозможно без удачного трудоустройства – проблемы номер один для переселенцев на новом месте.

На местах своего прежнего жительства многие беженцы и вынужденные переселенцы, как правило, имели налаженный быт, дома, квартиры, работу. В одночасье оказавшись бездомными и обездоленными, они пытались вернуть потерянное, и во многих случаях любыми средствами. Некоторые переселенцы, оказавшись более «расторопными», чем местные жители, в строительстве домов, покупке квартир, занятии частным бизнесом, на новом месте сумели быстро приспособиться и даже «почувствовать себя хозяевами положения» [3, с. 103].

Вместе с тем даже самые неблагоприятные условия, в которые может попасть мигрант после приезда, не влекут с неизбежностью его противоправного поведения. Одни и те же обстоятельства во взаимодействии с одним типом личности дают один результат, во взаимодействии с другим – иной. «Конкретная ситуация порождает волевой акт не сама по себе, а лишь во взаимодействии с личностью данного человека, преломляясь через его интересы, взгляды, привычки, особенности психики и другие индивидуальные черты. Именно совокупность этих свойств человека, реагирующего на соответствующую ситуацию, и определяет содержание и направленность поступка» [9, с. 15]. Большое значение в данном случае имеют национально-этнические факторы, культурно-исторические различия. Мигранты, обладая своими обычаями, традициями, языком, привозят с собой ту атмосферу, которая царила на прежнем месте их жительства. Естественно, они «привозят» и те образцы поведения, к которым они привыкли, к этому можно отнести и осо-

бенности преступности, которая существовала в их среде до переезда. Если, например, для населения той территории, откуда они прибыли, была характерна корыстная преступность, связанная с разбойными нападениями, грабежами и т. д., то можно явственно проследить увеличение этой же преступности в том регионе, в который они прибыли. Получается, что мигранты едут не только «со своим уставом», но и привозят с собой те характерные черты криминального поведения, которые были распространены в их среде до переезда.

Национально-этнические различия, существующие в общей массе прибывших вынужденных мигрантов, объясняют различие в правовом, в том числе криминальном, их поведении. Обычно приезжие из числа других национальностей ориентируются на свою эталонную группу, этим они подчеркивают свою этническую определенность и приверженность к своим национальным ценностям и символам [16, с. 498]. Своевременное выделение среди приезжих наиболее криминально активных этнических общностей, обладающих своими особенностями национальной психики, профилактическая работа с ними во многом определяют степень влияния этнических факторов на криминогенную обстановку в регионе.

Таким образом, завершая рассмотрение вопроса о причинах и условиях, способствующих преступности вынужденных мигрантов, следует подчеркнуть, что к основным детерминантам указанной преступности относятся:

- противоречия в политической сфере и в области межнациональных отношений, которые приводят к противостоянию народов и вызывают огромные потоки беженцев и вынужденных переселенцев;
- социально-экономический кризис, всеобщий коллапс производственной сферы принимающей страны, не позволяющий использовать в отдельных регионах трудовые ресурсы не только мигрантов, но и местных жителей;

- рост социального неравенства, безработицы, снижение уровня жизни подавляющего большинства населения;
- нецивилизованность рыночных отношений, приводящих к антагонистическим противоречиям между отдельными личностями или группами людей;
- экономическая слабость государства-реципиента, которое не в состоянии оказать беженцам и вынужденным переселенцам необходимую помощь в их обустройстве на новом месте и безболезненно вписать их в местную социокультурную среду;
- психологическая неподготовленность и местного населения, и вынужденных мигрантов к кризисным ситуациям, связанным с прибытием огромного количества людей и скачкообразным ростом численности населения;
- неэффективность государственного регулирования процесса миграции, ослабление паспортно-визового режима, отсутствие должного учета мигрантов;

- особенности демографической и социальной структуры контингента мигрантов, особенности их национального характера;
- особенности конкретной жизненной ситуации, побудившей личность к миграции;
- конкретные условия адаптации вынужденного мигранта в регионе поселения.

Сложность анализа причин и условий, способствующих преступности вынужденных мигрантов, заключается главным образом в их многообразии и трудности обнаружения взаимосвязи всех элементов механизма преступного поведения. Поэтому рассмотренные в настоящей статье причины и условия, детерминирующие преступность вынужденных мигрантов, не исчерпывают всей совокупности факторов, оказывающих криминогенное влияние, однако позволяют точнее определить систему мер, способных обеспечить наибольшую эффективность борьбы с преступлениями вынужденных мигрантов, в первую очередь направленных на предупреждение этого вида преступности.

Литература

1. Бабаев М. М. Теоретические вопросы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.
2. Бабаев М. М., Королева М. В. Преступность приезжих в столичном городе: учебное пособие. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1990.
3. Багаева Н. Э. Роль вынужденных миграций в эволюции заселения территорий Северной Осетии: учебное пособие. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002.
4. Гриценко В. В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из ближнего зарубежья в России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.
5. Дзидзоев В. Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998.
6. Каламанов В. А. Наша новая стратегия // Миграция в России. 1999. Октябрь – ноябрь.
7. Кириллов Б. Беженец – кто ты? Социальный портрет // Жизнь Кавказа. 2001. № 1(1).
8. Кобец П. Н., Гладких В. И. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых жителями стран СНГ в Москве. М.: ВНИИ МВД России, 2001.
9. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968.
10. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской, С. Панарина. М.: Интердиалект+, 2000.
11. О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы: Постановление Правительства РФ от 10.11.1997 № 1414 (с изм. от 30.12.2000) // Российская газета. 27.11.1997. № 229.
12. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001.
13. Садков Е. В. Маргинальность и преступность // Социологические исследования. 2000. № 4.

14. О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях): Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 // Собрание законодательства РФ. 29.04.1996. № 18. Ст. 2117.
15. Филимонова Н. М. Влияние социальных установок на процесс адаптации вынужденных переселенцев к условиям Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
16. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-н/Д: Феникс, 1999.
17. Шкаратан О. Подбор и расстановка кадров на предприятии. М.: Экономика, 1968.
18. Beiser M., Turner R., Ganesan S. Catastrophic stress and factors affecting its consequences among Southeast Asian refugees // Social Science & Medicine. 1989. V. 28.
19. Westermeyer J., Vang T. F., Neider J. Refugees who do and do not seek psychiatric care: An analysis of pre-migratory and post-migratory characteristics // Journal Nerv. & Ment. Dis. 1983. V. 171.

УДК 340(430)

Б. Г. Койбаев**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ В ИММИГРАЦИОННОМ ВОПРОСЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

В статье рассматривается формирование политико-правового регулирования иммиграции в Германии. Выделяются исторические этапы, а также условия и предпосылки формирования германского иммиграционного законодательства.

Ключевые слова: иммиграция, иммиграционная политика, иммиграционное законодательство, иммиграционно-правовая политика Германии.

B. G. Koybaev**THE GERMAN IMMIGRATION LEGISLATION IN THE SECOND HALF OF THE XX-th CENTURY**

The article examines the formation of political and legal immigration regulation in Germany. The author defines historical stages, conditions and background of formation of German immigration legislation.

Key words: immigration, the immigration policy, the immigration legislation, the immigration and legal policy in Germany.

В немецком законодательном словаре длительное время отсутствовала иммиграционная терминология. Но правовые документы, касающиеся иммиграционного вопроса, появились намного раньше принятия Конституции ФРГ 1949 года.

Еще в 1913 году в Германии был принят Первый закон об урегулировании вопроса гражданства (Закон о гражданстве в Германии и Рейхе), согласно которому гражданство могло быть приобретено по рождению, по легитимации (гражданство ребёнка определялось гражданством его отца), по усыновлению, в результате приё-

ма в гражданство (предоставление гражданства согласно административному акту), по заявлению (иностранец может приобрести гражданство по своему письменному заявлению, если он является гражданином Австрии, если он является законнорождённым ребёнком немки, а также приобрести гражданство могут усыновлённые несовершеннолетние дети).

В 1949 году была принята Конституция Федеративной Республики Германии. Основным Законом государства определял статус беженца: «Лица, преследуемые по политическим, расистским и религиозным моти-